

Английская «Таймс», французская «Монд», итальянские газеты пишут о ней как о «выдающемся вердиевском голосе», «гениальной певице», «блестящей актрисе, отвечающей самым высоким требованиям». А на родине вот уже более трех лет не звучит голос Казарновской. Разве что единожды во время последних гастролей «Ла Скала» москвичи услышали его в вердиевском «Реквиеме». Тогда-то мы и договорились о встрече. Но состоялась она только сейчас.

— Любовь Юрьевна...
— Давайте договоримся без отчества. Как вы знаете, у европейцев принято обращаться друг к другу просто по имени, и я уже привыкла к этому.
— И от многих наших бычаев вам пришлось отказаться!
— В том не было особой необходимости. Вхождение в новую жизнь проходило для меня без особой ломки. В быту, в житейской повседневности у меня практически ничего не изменилось. Все, с чем я выросла, осталось при мне. Я по-прежнему регулярно хожу в храм, как приучила меня бабушка, встаю и ложусь с молитвой. Со мной мои любимые книги — Пушкин, Достоевский, Толстой... Когда есть время, стараюсь готовить дома наши национальные блюда. Короче, делаю то, что люблю, что доставляет мне удовольствие, к чему привыкла. Кстати, Роберт, мой муж, полностью разделяет мои вкусы. Тяга и любовь к России у него с детства. А началось все с пластинок Шалаяпина, которого обожал его отец. Тогда появился интерес к русскому языку, к культуре. Роберт пошел учиться в университет на факультет русской филологии. Так что мои привычки не вступают в противоречие с его привязанностями и пристрастиями. Наоборот, он любит, когда я, принимая гостей, одеваюсь, как россиянка, накрываю русский стол. И это

всех вокальных «делах», пока слушайте только, как играют солирующие скрипки. Вы должны услышать, как строится мелодия, фраза, а затем все это повторить голосом. Никаких лишних акцентов и телодвижений. Надо, чтобы вы были органично «влиты» в ткань оркестра. Над одной каденцией он бился со мной часа полтора! Мучил безумно: «Люба, вы все время пытаетесь сделать три акцента, а нужен всего только один, и дальше — как бы скользнуть голосом, как ветерком по лицу». А этот ветерок никак не появлялся. Но maestro был терпелив и настойчив. В конце концов он все же добился желаемого. Какая же это была сладостная победа!

— А на каком языке вы объяснялись?

— На английском. Я говорю на нем довольно прилично. Сейчас учу немецкий. Освоила итальянский. Это язык оперы, и без него в нашей профессии никак нельзя. Когда начинаешь на нем свободно общаться, чувствовать его, роль можно «размять» изнутри...

Незнание языка — большой минус многих наших певцов, приезжающих работать за рубеж. Они не могут даже толком понять, что от них требует постановщик. Манекены, да

от нее в восторге... А Паата Бурчуладзе! Сегодня карьера этого удивительного певца могут позавидовать многие «именитости». А заметил его Герберт фон Караян.

Я нередко встречаюсь с каждым из них и на сцене, и просто в дружеском кругу. Эти встречи приносят огромную радость и необыкновенно «утепляют» жизнь.

— Удивительно слышать столь лестные отзывы о наших артистах из уст их коллеги. К великому сожалению, подобное встречается редко.

— Наверное, мне просто везет на хороших людей. Меня окружают искренность и доброжелательность. Быть может, не хватает глубинной душевной открытости, так свойственной нам, русским. Но зато есть взаимоуважение и корректность. Вообще ментальность западного человека совершенно отлична от нашей. У него есть одна особенность: что бы ни случилось, все — «о'кей».

Вспоминаю, как на постановку «Свадьбы Фигаро» пригласили двух молодых солисток из «Метрополитен». Часто я замечала, что одна из них приходила на репетиции утомленной, с мешками под глазами. Когда я поинтересовалась ее самочувствием, она улыбочиво мне

серьезная. А если коротко — сцена дарит мне свободу.

По-настоящему я осознала это в Венской Опере. Для меня это самый «счастливый» театр. Здесь осуществились мои заветные мечты. Пою только свой репертуар, в котором чувствую себя уверенно и комфортно. «Отелло», «Дон Кихот», «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан», «Богема», «Бал-маскарад», «Паяцы» — это работа в радость, да еще с такими партнерами, как Пьетро Каппуччили, Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Агнес Балетса.

Впереди работа в спектаклях Дзеффирелли «Дон Жуан» и «Богема». С большой радостью и волнением готовлюсь к гастролем в США, где пройдут мои выступления на сценах оперных театров Чикаго, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса. Состоится и концерты с известными дирижерами и ведущими оркестрами. В лондонском «Ковент-Гарден» буду участвовать в новой постановке «Евгения Онегина». Я очень люблю этот театр, и для меня его приглашение — большая честь. Так что, как видите, отдыхать пока не приходится. Жизнь распланирована на четыре года вперед.

— А как же родные пенаты?

— При всей этой, конечно, радующей загруженности я бы не хотела отрываться от России. Ведь я по-прежнему остаюсь ее гражданкой. Да, у меня, как и у других наших певцов — Нестеренко, Атлантова, Бурчуладзе, есть и австрийский паспорт. Выданный по ходатайству Венской Оперы, он дает право беспрепятственно пересекать границы. А в Москве — мой дом, мои родные и близкие. Я часто навещаю их. «Дым Отечества» мной не забыт. Более того, со временем я все острее чувствую потребность в «нем». Сегодня здесь безумно трудно, скудно, быть может, страшно. Но я хочу здесь петь, давать концерты, участвовать в спектаклях, общаться со своими коллегами и любимой публикой. Хотя... создается такое впечатление, что на Родине я не особенно нужна.

— !!

— Много раз я обращалась в Кировский с предложением выступить в каком-нибудь спектакле, пусть за гроши, бесплатно, укажите только сроки, репертуар. Нет, ничего конкретного мне пока сказать никто так и не смог. Обидно. Ведь с этим театром, где я проработала три года, у меня всегда сохранялись самые дружеские отношения. Правда, активный интерес проявляет филармония. Там, оказывается, меня еще помнят, и встреча с петербуржцами все же состоялась — в конце мая прошли мои концерты.

А в Москве в стенах моего родного Театра оперы и балета имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко планируется проведение своеобразной оперной панорамы «Первое международное музыкальное лето». В ее программу будут включены три спектакля театра: «Пиковая дама», «Иоланта» и «Евгений Онегин», но не тот убогий «скворечник», который недавно был «сколочен» для столичных зрителей, а прежняя постановка, долгие годы сохранявшаяся в репертуаре станиславцев. Завершит смотр большой гала-концерт. Приглашены зарубежные исполнители. И у меня, наконец, появится возможность вновь ступить на сцену, на которой все так счастливо начиналось...

Татьяна КВАРДАКОВА.

ЛАВРОВЫЕ ВЕРСТЫ К ДОМУ

Культура. 1998. — Июнь. — С. 9

не бравда. «Просто ты расцветаешь в своем родном и привычном», — сознался он как-то. С мужем мне очень повезло! — Да, это отрадно. Поздравляю. А как складывались ваши отношения с Венским театром? Так же беспроблемно!

— Скажу откровенно, на первых порах было нелегко. Надо было в чем-то переучиваться, что-то усваивать заново. И это при том, что уезжала я отсюда уже с именем. Меня здесь знали, любили, публика баловала вниманием. Естественно, на замечания своих новых коллег — «не так спето», «не тот акцент», «здесь слишком громко» — я реагировала болезненно. Как же, мол, меня, любимцу публики, будет кто-то наставлять! У меня такая школа, такой опыт сценической работы! Но все-таки пришлось побороть гордыню русской примадонны, в чем очень помог Роберт. «Отбрось свои амбиции, — спокойно убеждал он. — Они здесь никому не нужны. Нужен подлинный талант, а он требует совершенства». И я с головой ушла в работу. Мне помогли все, кто мог. Вообще я должна отметить особую доброжелательность и сердечность коллег. Никакой зависти и злопыхательства.

— Ваш дебют на Западе, кажется, состоялся в Зальцбурге!

— Совершенно верно. Это случилось в марте 89-го года. Караян пригласил меня на «Реквием» Верди. Я должна была выступать с Агнес Балетса (меццо-сопрано), Сэмюэлем Реми (бас) и Винсентом Колем (тенор). Ранее в Москве я уже пела «Реквием», но исполнять его в такой «компании» под руководством выдающегося мастера и с его оркестром! Могла ли я когда-либо мечтать об этом?

Приступая к работе со мной, Караян сказал: «Забудьте обо

и только. Общение на уровне «пойди налево», «пойди направо» — несерьезно. В этом проявляется наша некомпетентность, что очень там раздражает и становится большим препятствием в работе.

Но есть и такие певцы, как Елена Васильевна Образцова, Евгений Евгеньевич Нестеренко, которые давно преодолели эти рубежи. Настоящие профессионалы, тонкие музыканты. Они продолжают достойно представлять нашу отечественную культуру, и не только на подмостках. Евгений Евгеньевич уже «свой» человек в Вене. Не первый год он преподавал там в консерватории, активно продолжая артистическую карьеру. Удивительно работоспособный человек. Кстати, скоро мы вместе поем в «Дон Карлосе».

Меня радует появление на мировой сцене нового поколения наших исполнителей, образованных, интеллигентных. Очень приятно было читать восторженные отзывы на выступления в «Ковент-Гарден» и в «Метрополитен-опере» Володи Чернова, солиста из моего любимого Кировского театра, ныне Маринки. Кстати, блистательное знание языка помогает ему устойчиво «держаться» в итальянском репертуаре. Большим успехом в Европе пользуется Мария Гулегина из Минска. Очень коллегиальный и симпатичный человек, без каких-либо «звездных» закидонов. Сейчас она много поет в «Ла Скала». Скоро ее выход в премьеру «Манон Леско». Я необыкновенно рада за нее. Молодец! Или же Нина Терентьева из Большого. На Родине, к сожалению, ее слышат мало и практически не знают. А на Западе она очень популярна. Недавно в США с триумфом прошли ее выступления в партнерстве с Доминго. Как я слышала, сам Пласидо был

ответила: «Все нормально». Как потом выяснилось, обе американки приехали с маленькими детьми. Одному был годик, другому — всего несколько месяцев. Естественно, сказывались ночные бдения, материнские хлопоты. Но вслух ни одна из них ни разу не созналась в своих проблемах. И на сцену они выходили подтянутыми и сосредоточенными на роли. Нам же всегда необходимо кому-то поплакаться, пожаловаться на судьбу. И всегда найдутся сочувствующие, выслушают, покажут, могут и справку выписать «иди, отдохни»...

Там этого не жди. Приехал работать — работай и выдавай свой труд на все сто. Надо улыбаться, быть постоянно в форме. Спал ты или не спал — никого это не касается. Тот, кто может включиться в такой режим, тот выживает. Не многие наши это выдерживают, страдая и морально, и физически.

— Кажется, вас это испытание уже миновало!

— Жизнь постоянно испытывает человека. И в основном через отношение к работе, к своему делу.

— По всему чувствуется, вы очень любите свою профессию. За что? Для вас это путь к славе, благополучию, возможности самовыражения?

— Начнем с того, что моя профессия творческая, как, впрочем, и ваша, журналистская. А подлинное творчество, вам это должно быть понятно, чуждо эгоцентризму. Напротив, оно есть забвение себя, устремление к идеалу, что выше нас, что освобождает от земных пут. Не знаю, внятно ли я объясняю, но для меня сам процесс творчества был и есть погружение в особый мир, свободный от тяжести, от власти действительности. Об этом я могу говорить долго. Тема